

КНИЖНАЯ ТЕРАПИЯ

СВАЩЕСЛЕННЫЕ ИМЕНА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРОЧТИ И СОЖГИ.

За Родину

КРАСНОАРМЕЙСКАЯ ГАЗЕТА

10

ДЕКАБРЬ

1941 года

СРЕДА

Светлана Кунакулова

Священные имена

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69287947

ISBN 9785006009202

Аннотация

Коллектив авторов сообщества ВК «Книжная Терапия» представляет военно-патриотический сборник «Священные имена». Авторская редакция сохранена.

Содержание

Светлана Кунакулова	5
Священные имена	5
Андрей Штин	7
Незабываемая встреча	7
Поцелуй со смертью	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Священные имена

Составитель книги Светлана Кунакулова

Корректор Светлана Кунакулова

Организатор Книжная Терапия

ISBN 978-5-0060-0920-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Светлана Кунакулова

Священные имена

Провисло небо над землей туманной аркой.
Рассвет над горизонтом ликовал.
Все знали: будет жарко, очень жарко.
О том, что будет ад, никто не знал.
И тишина зловещая... такая...
Нет, не зловещая – звенящая она,
Дыханье смерти мимо пропуская,
Тревожным эхом вторила: «Война!»

И вздрогнула земля, и загудела...
Вдоль обороны мрачно пронеслось
Степенное до нужного предела,
Безудержное в гневе: «Началось!»
Гул самолётов, скрежет, лязг металла,
Орудий залпы... На исходе дня:
«Запомни!» —
Курская дуга стенала
И задыхалась в пламени огня.

Отчизна – Родина, милее нет и краше!
Вторгая в свод «великое начало»,

С мольбой зывали к небу: «Это наше!»
И небо: « Это ваше!» – отвечало.
Сквозь дым и копотъ, в саже и в пыли,
Под ливнем пуль и тьмой укрытые
Шли, падали, ползли, вставали, снова шли
В одном ряду живые и убитые —
Шагали в ногу жизнь и смерть в зените!
И верили: наступят времена —
Из слов солдатских писем на граните
Священные восстанут имена!

Андрей Штин

Незабываемая встреча

Эта история произошла в 2002-м году, в конце апреля. Перед майскими праздниками я отправился в Москву по делам и надеялся, что в пути попадутся интересные попутчики. И мне повезло: в купе со мной ехали мужчина в преклонном возрасте, его жена и внук.

Все благополучно разместились в купе, разложили багаж, и состав тихо тронулся. Ребёнок занял верхнюю полку и с детским любопытством смотрел в окно на пролетающие мимо пейзажи, а мы сели знакомиться друг с другом на нижнем ярусе. Мужчину звали Александр Владимирович, они с женой везли внука в Москву, чтобы девятого мая он увидел парад победы на Красной площади своими глазами, а не по телевизору. Мой новый знакомый ехал туда, ещё и чтобы встретить друзей-ветеранов, которых, к сожалению, с каждым годом становилось всё меньше и меньше. Мы разговорились, и Александр Владимирович рассказал историю из своего прошлого, которую трудно забыть.

Двадцатого июня 1941-го года он, в звании младшего лей-

тенанта, прибыл в распоряжение отдельного истребительного авиаполка на предписанный ему аэродром Киевского особого военного округа. В те дни, по его словам, в воздухе уже витал дух неотвратимо надвигающейся войны. Все понимали: она вот-вот начнётся, но никто не знал точно – когда. За малейшие разговоры о ней наказывали жёстко и сурово.

Слушая его рассказ, я знал, что это были трудные времена не только для советской авиации, но и для всей нашей страны. Перед лицом новой угрозы шло перевооружение Рабоче-Крестьянской Красной Армии. В части поступало новое оружие и машины. У молодых лётчиков не было опыта пилотирования новейших, ещё только-только поступающих самолётов, не хватало часов налёта на старых моделях, порой их число не превышало двух-трёх десятков. Мой рассказчик так же встретил войну молодым и не имеющим боевого опыта лётчиком на истребителе конструкции Поликарпова – И-16. По его словам, этот самолёт доверяли не каждому новичку. Эта машина была непростого «нрава» и имела свои особенности в пилотировании, за что и получила прозвище «ишачок» – она не прощала пилоту ошибок в управлении. Его не часто доверяли «птенцам» – выпускникам лётных училищ. Большинство молодых пилотов летали на истребителях-бипланах И-15 и на поздних модификациях И-153 – «чайках». Но Александра Владимировича, как отличника лётного училища, посадили на И-16 – в умелых

руках он по-прежнему был грозной силой. По многим параметрам эта машина уже сильно уступала немецким самолётам, которые по нескольку раз в день вторгались в советское воздушное пространство, и в открытую вели авиаразведку. В такие моменты у лётчиков-истребителей от бессилия сводило скулы, но сбивать нарушителей границы запрещалось. Командование боялось спровоцировать начало войны, но избежать его так и не удалось... Утром 22-го июня в три часа утра авиаполк подняли по тревоге, пилотам приказали занять кабины машин и держать самолёты готовыми к взлёту.

– А как вы к этому отнеслись? Было же приказано не поддаваться на провокации, – я с интересом слушал его рассказ.

– Нормально, в тот момент никто уже не сомневался, что это не провокация – это начало войны. Мы восприняли этот приказ не то, чтобы с радостью, но с удовлетворением, что тревожное ожидание наконец-то закончилось. Мы в любой день ждали команду «занять боевые места». Вас, молодой человек, там не было, иначе бы вы сами почувствовали запах приближающейся войны. Те, кто имел семьи, и у кого была возможность, ещё до того рокового дня отправили их к родственникам, что жили подальше от границы.

Позже я узнал, что Киевский особый военный округ и в самом деле по личному приказу командования и в нарушение установок из Москвы был приведён в боевую го-

товность ещё за несколько часов до первых атак фашистов. То же самое было и на Черноморском военно-морском флоте. Наши силы на этом направлении сразу дали такой мощный отпор противнику, что стало ясно – стремительного продвижения немецких войск, как это происходило в Белоруссии и в Прибалтике, здесь не получится.

Но вернёмся в тот страшный день... После взмывшей в небо сигнальной ракеты наши лётчики, в составе двух звеньев из шести И-16, взлетели на перехват самолётов противника, которые уже глубоко вторглись в советское воздушное пространство. Из рассказа Александра Владимировича я узнал, что рации стояли только на машинах командиров звеньев, и те передавали знаки своим ведомым лишь показыванием крыльев. Набрав высоту тысячу метров, пилоты увидели большое тёмное пятно из множества чёрных точек, которое со стороны запада двигалось вглубь территории их округа. Сомнений в том, что это были немецкие самолёты ни у кого не возникло. Спустя несколько минут небольшое пятно отделилось от основного и направилось в сторону военного аэродрома, очевидно, он и был целью вражеских пилотов. Передав эту информацию на командный пункт, наши истребители пошли на перехват противника.

Завязался неравный воздушный бой: двенадцать Bf-109 – «мессершмиттов», имевших превосходство над нашими ис-

требителями в скорости и в вооружении, против шести наших И-16. Немецкие истребители, имея перевес в числе, не подпускали наших «ишачков» к «юнкерсам» – штурмовикам-пикировщикам Ю-87, которые медленно, но верно «ползли» в небе к аэродрому. Ведущие наших «троек», будучи опытными лётчиками, уводили своих ведомых на виражи, где «ишаки» были устойчивее, чем истребители противника. Но и с той стороны тоже воевали опытные асы, избородившие небо Европы, и наши, пробиваясь к вражеским штурмовикам, уже потеряли два сбитых самолёта. Но, не оставаясь в долгу, советские пилоты также отправили в землю двух представителей исключительной нации.

– Как у вас это получилось? Ведь 109-й быстрее и вооружён лучше, чем И-16, – в моей голове возникали картины этого воздушного боя.

– Дело не в самолёте, а в том, кто его пилотирует. Они не ожидали от нас такой прыти и, очевидно, уже привыкли к нашему бездействию и бессилию. Расслабились, вот мы им наши зубы и показали, – задумавшись, пояснил Александр Владимирович.

Произнеся эти слова, он замолчал и долго смотрел в окно купе на пролетающие мимо пейзажи. Было видно, что вспоминать прошлое ему нелегко.

– Простите, не хотел вас обидеть, просто слышу про такое в первый раз, – попытался я извиниться за свой скепсис.

– Понимаю вас, молодёжь, сам таким же был. Позже жизнь научила чужой опыт брать на стороне и не испытывать свою шкуру на прочность, – поделился он мудростью и продолжил рассказ.

Когда советские лётчики, ведя бой с немецкими истребителями, всё-таки догнали пикировщики, те уже атаковали наш аэродром. Но и тут их тоже ожидал неприятный сюрприз: атакам «юнкерсов» мешали поднятые в воздух другие наши истребители. В небе была «свалка» из нескольких десятков машин, советских и вражеских, расстояние между которыми порой измерялось лишь десятками метров. В эти минуты мой рассказчик и открыл свой личный боевой счёт. Несколько минут он преследовал и пытался сбить «лаптёжника – немецкого пикирующего бомбардировщика Ю-87. «Лаптёжниками» их прозвали из-за не убирающихся шасси, которые издавна и в самом деле напоминали лапти или другую обувь. Во время атаки наземных целей пилоты этих машин включали сирену, и её вой вызывал у людей на земле чувство паники и страха. «Юнкерс», которого в качестве цели выбрал мой рассказчик, шёл медленнее его истребителя, успешно маневрировал и жёстко «огрызался» огнём пулемёта заднего стрелка. Однако, атаковав противника с «мёртвой зоны», Александр Владимирович отправил фашиста в землю. Упомянув о том, как он зашёл в атаку на другой фашистский штурмовик, он внезапно замолчал. На глазах ветерана

блеснули слёзы. Чувствуя, как ему нелегко вспоминать бы-
лое, я терпеливо молчал и ждал момента, когда он продол-
жит свой рассказ.

Моё вежливое ожидание оправдалось: через пару ми-
нут Александр Владимирович вернулся в реальность наших
дней. По его словам, они уже почти отбили атаку на аэро-
дром. Но несколько пар «юнкерсов» всё ещё продолжали
своё дело. Зайдя в хвост одному из них, мой рассказчик
с удивлением отметил, что задний стрелок фашистского
штурмовика молчит. Скорее всего, он был или убит, или
у него закончились патроны. Взяв упреждение, Александр
Владимирович нажал на гашетку и, к ужасу, не услышал
привычной пулемётной дробы выстрелов и дрожи самолёта
от работающих пулемётов. Кончились боеприпасы! До «юн-
керса» было «рукой подать», не больше двадцати метров. То-
гда мой герой решил пойти на таран. Он прибрал тягу дви-
гателя и медленно пошёл на сближение с противником.

– Вам не страшно было в те минуты? Ведь не извест-
но, чем это могло закончиться, – спросил я, подумав о том,
как бы сам действовал в подобной ситуации.

– Почему не известно? Всё было ясно, но в горячке боя
злость на фашистов взяла верх, и чувство самосохранения
исчезло. Я не мог упустить возможность отправить в землю
и этого гада тоже.

Зная, что этот «юнкерс» беззащитен, Александр Владимирович «подошёл» к нему с задней полусферы. Потянув ручку управления на себя, он винтом своей машины «превратил в кашу» хвостовое «оперение» противника, и тот, пролетев метров двадцать, с диким креном устремился к земле. После тарана «ишак» Александра Владимировича на секунду замер в воздухе и словно взбрыкнул: его винт был повреждён, и двигатель заглох. Самолёт летел уже только по инерции. Тогда мой рассказчик выпрыгнул из кабины истребителя и дёрнул за кольцо парашюта. Медленно спускаясь, он с интересом наблюдал с высоты, что творилось внизу. Несмотря на усилия пилотов и средств противовоздушной обороны, немцам всё-таки удалось уничтожить половину стоящих на земле самолётов и почти всю видимую с воздуха инфраструктуру советского аэродрома. Однако взлётная полоса уцелела, она ещё могла выполнять свои функции. Наблюдая горящие здания и дымы от сбитых и уничтоженных на аэродроме машин, Александр Владимирович понял – несмотря на потери, они дали достойный отпор противнику. Вокруг взлётного поля к небу поднимались не менее десятка столбов дыма от сбитых немецких самолётов.

Из шести лётчиков, поднявшихся в небо вместе с ним в четыре утра, на землю вернулся только ведущий их звена. Он так же таранил немца, когда у его «ишачка» закончились боеприпасы, и тоже приземлился на парашюте. В страшное

утро 22-го июня 1941-го года их отдельный истребительный авиаполк потерял только в воздушном бою двенадцать самолётов. Среди тех, кто поднял их в небо, были не только молодые лётчики, такие, как Александр Владимирович, но и более опытные пилоты, прошедшие небо Испании, Халхин-Гола и Финляндии. Помимо потерь в первом воздушном бою, этим налётом немцы уничтожили и повредили на земле ещё около десятка советских машин. Однако самолёты – это всего лишь железо. Печальнее оказались потери личного состава, потери тех, кто своим мастерством и умением превращал его в грозную силу!

Когда с последствиями утреннего налёта разобрались, в течение двух часов уцелевшие самолёты и обслуживающий персонал перевели на ближайшее запасное лётное поле. И вовремя! Едва они успели это сделать, как над уже пустым дымящимся аэродромом появилась другая группа немецких штурмовиков и истребителей. Во время повторной атаки немцы разбомбили уцелевшие здания аэродрома и взлётную полосу, сделав её непригодной для использования. Несмотря на тяжёлые последствия первой немецкой атаки, авиаполк Александра Владимировича всё же сохранил боеспособность, и в первые тяжелые дни войны продолжил «вырывать перья» фашистских «стервятников» и отправлять тех в землю.

По словам Александра Владимировича, первый воздушный бой 22-го июня остался в его памяти не только как «боевое крещение», но и как начало Великой Отечественной войны. После него, несмотря на тяжёлые потери, он уже не сомневался в победе. Эта уверенность всегда придавала сил, и он бил врага сначала в советском, затем в небе Восточной Европы...

За время, пока наш поезд приближался к Москве, Александр Владимирович успел поделиться множеством историй из своего славного боевого прошлого. В августе того же 1941-го года в одном из воздушных боёв он был подбит и ранен, но смог в воздухе удержать машину и приземлиться в поле, неподалёку от своего аэродрома. Потом был госпиталь, из которого мой рассказчик пытался бежать, но ему чётко дали понять: если он хочет вернуться в строй, придётся пройти лечение до конца.

После выздоровления Александр Владимирович вернулся в свой авиационный полк. Из товарищей, с которыми он встретил 22-е июня, в живых остались уже немногие. В те дни наша авиация несла тяжёлые потери. Но ему повезло – Александр Владимирович прошёл огненное небо той войны от самого начала до конца. Девятое мая он встретил уже в Венгрии, имея на личном счету двадцать два сбитых немецких самолёта.

На самом деле их, по его словам, было намного больше, но в то время не всегда удавалось точно определить, кто именно из лётчиков одержал победу в воздушном бою. Для её подтверждения требовалось либо свидетельство с земли, либо товарищей, которые в тот момент тоже вели бой. Существовали ещё и групповые победы, когда было неизвестно, кто именно из пилотов отправил врага в землю. Фотопульмёты* на советские самолёты стали массово устанавливать намного позже, ближе к середине войны. Но, имея отснятые кадры такой атаки, тоже не всегда можно было доказать, что она прошла успешно, и после неё самолёт противника был сбит. Как только лётчик прекращал вести огонь по противнику, камера автоматически отключалась.

Благодаря рассказам Александра Владимировича, я словно сам оказался в том времени. Выпив множество стаканов чая, мы проговорили до глубокой ночи. Спать нас, тихо ворча, уложила его жена. В шесть утра наш поезд прибыл на Казанский вокзал, где мы тепло попрощались. До сих пор не могу простить себе, что, будучи увлечённым его рассказами, я так и не узнал фамилию этого замечательного человека.

Хочется пожелать Александру Владимировичу и другим ветеранам Великой Отечественной войны крепкого здоро-

вья, долгих лет и низко поклониться им в ноги. Без этих людей, которых, к великому сожалению, с каждым годом остаётся в живых всё меньше и меньше, не было бы ни последующих поколений, ни меня. Не было бы никого из нас, как и не было бы нашей страны. Честь и слава тем, кому мы обязаны жизнью!

* Фотопулемёты – фото и кинокамеры, которые фиксируют воздушный бой и срабатывающие тогда, когда пилот открывает огонь по противнику.

19.03.2016

Поцелуй со смертью

Эта история произошла в июне 2002-го года. В тот день я сидел на лавочке в тихом сквере, наслаждался тишиной и читал журнал про советскую авиацию времён Великой Отечественной войны. Внезапно к скамейке подбежали два мальчика в возрасте четырёх-пяти лет и своими шалостями стали отвлекать меня от чтения. Вслед за ними подошли молодая пара и человек преклонных лет, который опирался на трость. Супруги, к моему удивлению, попросили меня присмотреть за их пожилым родственником и за детишками. Не имея пути к отступлению, я согласился, но уже через пять минут пожалел, что так легкомысленно взял на себя обязанность по присмотру за маленькими «чертенятами».

Как только родители удалились по своим делам, дети не на шутку разыгрались. Чтобы успокоить их, пришлось изрядно постараться, и, наконец-то, мне это удалось. Я пообещал рассказать интересную историю, если малыши перестанут хватать гуляющих в парке кошек, пытаться оторвать несчастным хвосты и спокойно сядут рядом. Дедушка дал слово подарить неугомонным сорванцам по котёнку и помог усадить «молодое племя» на скамейку.

- Историей авиации увлекаешься? – поинтересовался он.
- Почему вы спрашиваете?

– Пока ты с моими «разбойниками» разбирался, я глянул, что ты читаешь, – новый знакомый указал на мой журнал.

– Если вы обратили на это внимание, скажите, что вы об этом думаете? Интересно ваше мнение, – попросил я, надеясь, что он пойдёт навстречу.

– Хорошо, вижу – ты парень неплохой, расскажу кое-что из своего прошлого, – ответил он, глядя на то, как я опять поймал ребёнка, попытавшегося лишить жизни ещё одну проходившую мимо кошку.

Он попробовал начать рассказ, но внуки-непоседы продолжали мешать шумом и беготнёй. Пришлось сходить в ближайший киоск и купить каждому по мороженому. Лишь после этого малыши уgomонились и, наслаждаясь лакомством, больше не перебивали нашу беседу, и пожилой человек рассказал историю из своего боевого прошлого.

Мой новый знакомый встретил войну в небе Украины молодым лётчиком-истребителем. В первых воздушных боях он быстро набирался опыта и учился отправлять немецких «стервятников» в землю. Авиационный полк, в котором он служил, в первые дни войны понёс тяжёлые потери, но всё-таки сохранил боеспособность и исправно «портил кровь» асам «Люфтваффе». Я попросил рассказать что-нибудь интересное, что больше всего запомнилось из того непросто-

го времени. Задумавшись на какое-то время, он помрачнел и начал рассказ об одном из таких случаев:

– Был один такой вылет в сентябре 1941-го года, который я запомнил на всю жизнь. После первых дней войны и тяжёлых потерь не у всех оставалась вера в победу, но, несмотря на это, мы дрались отчаянно. Отступить никому не хотелось, да и было уже некуда.

Любое боевое задание в те дни было открытой игрой со смертью. Немцы имели полное превосходство в небе, и каждый советский лётчик понимал: обычный вылет мог стать для него последним. Однако уничтоженные самолёты противника придавали сил для борьбы. Тяжелее всего было наблюдать с высоты бои, которые шли на земле. Имея свои строго определённые цели, пилоты не всегда могли поддерживать наших бойцов с воздуха, но старались сделать своё появление в небе заметным и знаковым, чтобы воодушевить советских воинов на борьбу с противником. Ничто не возвращало солдатам, ведущим тяжёлые бои на земле, веру в победу так, как сбитый у них на глазах и объятый пламенем немецкий самолёт!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.